

Фриче Владимир Максимович

Пролетарская поэзія

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В57

В57 **Владимир Максимович Ф.**
Пролетарская поэзія / Фриче Владимир Максимович – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 84 с.

ISBN 978-5-521-28731-4

ISBN 978-5-521-28731-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Пролетарская поэзія.

Пролетарская поэзія занимаетъ въ обычныхъ руководствахъ по исторіи литературы ничтожное мѣсто. О ней почти не упоминается. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: исторія литературы пишется обычно буржуазными историками для буржуазныхъ читателей. Не послужила до сихъ поръ пролетарская поэзія и темой для спеціального изученія. Предлагаемые вниманію читателя очерки, можетъ быть, до нѣкоторой степени восполняютъ этотъ пробѣлъ.

I.

Англія была той страной, которая раньше другихъ вступила на путь капиталистическаго развитія. Здѣсь раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, образовался рабочій классъ, и здѣсь поэтому колыбель рабочей поэзіи. Въ 30 и 40 г.г. девятнадцатаго столѣтія англійскіе рабочіе находились, какъ извѣстно, въ самыхъ неприглядно-тяжелыхъ условіяхъ, о которыхъ книга Ф. Энгельса „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“ даетъ такое потря-

сающее впечатлѣніе. Доведенные до отчаянія страшной эксплуатаціей со стороны капиталистовъ, противъ которой такъ гнѣвно и такъ страстно возмущался Карлейль, и за нимъ цѣлый рядъ писателей разныхъ политическихъ толковъ.—Диккенсъ, Кингслей, миссъ Гаскелль, Дизраэли-Биконсфильдъ,—страдаая къ тому же отъ дороговизны хлѣба, вызванной „таксой на хлѣбъ“, т. е. пошлиной, которой помѣщики-лэндлорды обложили ввозной хлѣбъ, чтобы выгодно продавать свой собственный, лишенные всякихъ политическихъ правъ, ибо революція 1832 г. продвинула къ власти одну только крупную буржуазію, рабочіе вступили на революціонный путь. Движеніе началось стачками, выросшими постепенно во всеобщую экономическую забастовку, и когда послѣдняя не привела ни къ какимъ результатамъ, рабочіе перешли отъ экономической къ политической борьбѣ. Въ союзѣ съ мелкой буржуазіей они подняли горячую агитацію въ пользу измѣненія избирательной системы во имя всеобщаго избирательнаго права. Уличныя демонстраціи смѣнялись шествіями къ парламенту съ соотвѣтствующими петиціями, а послѣднія перешли подъ вліяніемъ лѣваго крыла движенія въ вооруженное возстаніе, которое было подавлено военной силой въ то самое время, когда и революція на европейскомъ материкѣ (1848) истекла кровью подъ ударами окрѣпшей реакціи.

Къ этой эпохѣ, извѣстной подъ названіемъ эпохи „чартизма“ (такъ называлось; собственно, движеніе въ пользу всеобщаго избирательнаго права), и относится возникновеніе пролетарской поэзіи. Въ эти тоды выступаетъ въ Англіи цѣлый рядъ поэтовъ, заслуга которыхъ въ томъ, что они ввели въ поэзію міръ труда съ его страданіемъ и борьбой. Наиболѣе извѣстный изъ нихъ, Томасъ Худъ, былъ, однако, не революціонеръ, а скорѣе филантропъ-человѣколюбецъ. Описывая тяжелую долю рабочаго и работницы, онъ обращался не къ ихъ волѣ, а къ сердцу сильныхъ. Вызвать жалость къ трудящимся—такова была та цѣль, которую онъ преслѣдовалъ. Въ одномъ изъ его сихотвореній (Сонъ леди) богатая дама видитъ во снѣ мрачную картину рабочаго горя и, проснувшись, даетъ себѣ слово относиться впредь къ трудящимся съ чувствомъ христіанской любви. Такъ именно хотѣлъ своими стихотвореніями настроить буржуазію Т. Худъ, и такъ онъ и настраивалъ ее на самомъ дѣлѣ. Его наиболѣе извѣстное, до сихъ поръ незабытое сихотвореніе „Пѣснь о рубашкѣ“, рисуящее тяжелую долю швеи, вызвало въ высшихъ слояхъ общества броженіе въ пользу облегченія положенія каторжницъ иглы.

Другіе изъ выступавшихъ въ эти годы соціальныхъ поэтовъ, какъ, напр., Джонсъ, были проникнуты, въ свою очередь, на-

строениями скорѣе „народническими“, чѣмъ пролетарскими. Убѣжденные противники города и промышленности, они звали рабочаго назадъ къ матери землѣ, къ патріархальной тишинѣ лѣсовъ и полей, къ плугу и боронѣ.

Нѣкоторые изъ произведеній этой эпохи хранятъ, однако, огненные слѣды кипѣвшей кругомъ революціи. Въ нихъ явственно бьется то гнѣвное негодованіе, которое жило въ груди англійскаго рабочаго, безпомощно трепетавшаго въ тискахъ эксплуатаціи и порабощенія.

Въ своей книгѣ „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“ Энгельсъ сохранилъ намъ въ переводѣ стихотвореніе неизвѣстнаго поэта, дышащее ненавистью не только къ предпринимателямъ, но и къ машинѣ, въ которой рабочіе тогда такъ часто усматривали главнаго виновника своего рабства.

„Есть на землѣ царь, гнѣвный царь, онъ не вымыселъ поэта, а тиранъ, хорошо извѣстный намъ, бѣлымъ рабамъ; имя ему—царь. Одна у него рука, но въ ней волшебная сила, губящая милліоны. Эту исполинскую руку направляетъ толпа его жрецовъ, безчеловѣчныхъ и кровожадныхъ, колдовствомъ добывая золото изъ крови. Ради адскаго золота, ихъ кумира, они топчутъ въ грязь права человѣка, муки женщины—для нихъ забава, а слезы мужчинъ вызываютъ у нихъ смѣхъ. Долой же царя-пара, рабочій людъ,

свяжите ему руки. Да низвергнетъ народный гнѣвъ его жрецовъ, блещущихъ золотомъ и пурпуромъ крови!“

Одинъ изъ выступившихъ въ 30-40-хъ годахъ соціальныхъ поэтовъ самъ вышелъ изъ рабочей среды. То Эбинезеръ Эллиотъ. Кузнецъ по своей профессіи, онъ принадлежалъ къ умѣренному крылу чартизма. Усматривая главную причину тяжелаго положенія рабочаго класса не въ эксплоатаціи его со стороны предпринимателей, а въ дороговизнѣ хлѣба, онъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ вызванная къ жизни англійской буржуазіей для борьбы съ помѣщиками-лэндлордами „Лига противъ хлѣбныхъ законовъ“. Такъ какъ дороговизна хлѣба удорожила рабочія руки, то буржуазія энергично боролась съ помѣщиками и въ концѣ-концовъ побѣдила. Свои пролетарскія стихотворенія Э. Эллиотъ и озаглавилъ: „Пѣсни противъ хлѣбныхъ законовъ“. Въ нихъ нѣтъ никакихъ „соціалистическихъ“ мотивовъ. Встрѣчаются, напротивъ, довольно поверхностныя и злыя нападки на „коммунистовъ“. Зато прелестны картинки изъ рабочей жизни, выдержанные въ идиллическихъ, мирныхъ тонахъ, когда, напримѣръ, жена и сыночекъ рабочаго убираютъ въ субботній вечеръ бѣдную квартиру „на славу, какъ дворецъ“. Мастеръ рисовать картинки мира и тишины, Э. Эллиотъ, „кузнецъ изъ Шеффильда“, соз-

далъ, однако, и ту пѣсню, которая стала „марсельзой“ чартистскаго движенія; ту пѣсню, которая увѣковѣчила для потомства весь ужасъ положенія тогдашняго англійскаго рабочаго. Стихотвореніе это, переведенное на русскій языкъ К. Д. Бальмонтомъ, озаглавлено: „Семья англійскаго пролетарія“.

Нарисовавъ потрясающую по своему ужасу картину безысходнаго положенія рабочаго и его семьи (умеръ отъ недоѣданія ребенокъ, дочь пошла, гонимая голодомъ, на улицу, въ довершеніе всего приходитъ полиція и забираетъ за долги весь жалкій скарбъ), поэтъ оставляетъ насъ лицомъ къ лицу съ женой рабочаго—въ отчаяніи душитъ она грудного младенца, и несчастную отправляютъ въ тюрьму.

Передъ судьею смущена
Тренещетъ мать; не скажетъ онъ,
Что сумасшедшая она.
Допросъ не дологъ; конченъ судъ,
Ее на площадь привели;
Шатаясь мужъ стоитъ вдали—
И всѣ на казнь смотрѣть пришли...
Ура, да здравствуетъ Англія...
Да здравствуетъ такса на хлѣбъ...

Это стихотвореніе зналъ наизусть въ годы революціи каждый рабочій чартистъ, и заключительная строфа его звучала среди улич-

ныхъ демонстрацій, въ шумѣ уличныхъ битвъ, какъ грозная рабочая марсельеза.

О, богачи, за васъ законъ,
Голодныхъ вамъ не слышенъ стонъ!
Вашъ взоръ суровъ, вашъ духъ жестокъ,
Вы нищихъ прячете въ острогъ...
Но неизбѣженъ мести часъ...
Рабочій проклиняетъ васъ.
И то проклятье не умретъ,
А перейдетъ изъ рода въ родъ.

Чартистская революція была подавлена, рабочій классъ обузданъ. Его наиболѣе активные и сознательные представители эмигрировали. Открытіе золотыхъ росыпей въ Калифорніи дало новый толчекъ для мощнаго развитія капитализма. Англійская буржуазія готова идти на уступки рабочимъ, рабочіе со своей стороны готовы довѣриться опекѣ буржуазіи. Въ 60 и 70 г.г. въ Англіи устанавливается „соціальный миръ“. Классовая борьба въ общемъ затихаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ временно замираетъ въ Англіи и пролетарская поэзія, чтобы вновь воскреснуть въ 80-хъ г.г.

„Соціальный миръ“, которымъ такъ гордилась англійская буржуазія въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ смѣнилась снова классовой борьбой. Рядомъ со старыми „аристократическими“ тредъ-уніонами—про-

фесіональнимн союзами кваліфіцированныхъ рабочихъ—становятся болѣе воинственные, болѣе революціонные союзы рядовыхъ пролетаріевъ.

Возникаетъ независимая рабочая партія, готовая вести самостоятельную рабочую политику. Ученіе Маркса находитъ все больше послѣдователей среди демократической интеллигенціи. Возникаетъ „Соціалъ-демократическая федерація“, потомъ — умѣренно-соціалистическое „Фабіанское общество“.

Въ эти годы обостренія классовой борьбы и зарожденія соціализма вновь воскресаетъ въ Англіи пролетарская поэзія.

На этотъ разъ она нашла представителя въ лицѣ одного изъ крупнѣйшихъ англійскихъ поэтовъ 19-го вѣка, въ лицѣ истиннаго „аристократа духа“. То была одна изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ пролетаріатомъ. Передъ „четвертымъ сословіемъ“, все выше поднимавшимъ свои красные стяги, склонялся съ уваженіемъ, съ готовностью служить ему словомъ и дѣломъ, талантомъ и капиталомъ одинъ изъ даровитѣйшихъ умовъ.

То былъ Уилльямъ Моррисъ.

Человѣкъ богатый, выходецъ изъ буржуазіи, ученикъ эстета Рескина, Моррисъ въ юные годы поставилъ своей задачей сдѣлать жизнь земнымъ раемъ для немногихъ, для „верхнихъ 10,000“. Дѣловитую коммер-

ческую ярмарку жизни онъ хотѣлъ превратить въ праздникъ красоты. Долгое время стоялъ онъ во главѣ художественно-промышленной фирмы, изготовлявшей для англійской буржуазіи дорогіе художественные обои, ткани, мебель въ старинномъ вкусѣ. Какъ поэтъ, молодой Моррисъ примыкалъ къ тому теченію литературы, которое извѣстно подъ названіемъ прерафаэлитизма, къ теченію, которое стремилось къ воспроизведенію въ поэзіи въ таинственныхъ тонахъ далекихъ отъ современной жизни сказочныхъ сюжетовъ и образовъ.

Шумѣвшая кругомъ въ восьмидесятихъ годахъ общественная и классовая борьба пробудила Морриса отъ его красивыхъ сновъ, отъ его мечты о красотѣ для немногихъ. Изъ прерафаэлиты онъ превратился въ демократа и социалиста. Какъ онъ самъ признавался, онъ пришелъ къ социализму не изъ политическихъ или моральныхъ, а изъ эстетическихъ соображеній. Онъ видѣлъ съ грустью и сожалѣніемъ, что въ современномъ буржуазномъ обществѣ, гдѣ буржуа заняты сколачиваніемъ прибыли, а рабочіе превращены въ машину, невозможна красота, невозможно истинное искусство. И это тѣмъ болѣе, что, какъ ему казалось, хотя и безъ достаточнаго основанія, при господствѣ фабричнаго машиннаго производства товаровъ на рынокъ, предметовъ дешевыхъ, мас-

совыхъ и безобразныхъ ни у производителя-рабочаго, ни у потребителя не можетъ развиваться художественный вкусъ. Чтобы искусство вновь расцвѣло пышнымъ цвѣткомъ, чтобы оно стало народнымъ, т. е. „творимымъ для народа“, для этого, по мнѣнію Морриса, необходимо, чтобы, во-первыхъ, фабричное производство вновь уступило мѣсто ремесленному, и, во-вторыхъ, чтобы установилось полное экономическое и социальное равенство. Въ своемъ романѣ „Вѣсти ниоткуда“ онъ и нарисовалъ съ большимъ блескомъ картину будущаго общества, родившагося изъ нѣдръ социальной революціи, такого общества, гдѣ нѣтъ дѣленія на классы и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, станокъ вытѣснить машину.

Въ видѣніяхъ поэта о будущемъ обществѣ есть много отъ давнишняго прошлаго (возрожденіе ремесла), много такого, что скорѣе воспоминаніе о быломъ, чѣмъ предвидѣніе грядущаго.

Но тотъ же Моррисъ вписалъ свое имя золотыми буквами въ исторію пролетарской поэзіи. Онъ, когда-то „прерафаэлитъ“, поэтъ изысканныхъ образовъ и стиховъ, слагатель сказокъ и миеовъ, сталъ на переломѣ жизни авторомъ „Соціалистическихъ гимновъ“.

И эти социалистическія пѣсни, къ сожалѣнію, не переведенныя, сохраняютъ память о